

Franta, Vladimír

**Кризис семиотики на фоне гуманитарных и естественных наук :
аспект "поэтической транскрипции"**

Новая русистика. 2009, vol. 2, iss. 1, pp. [39]-44

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116187>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Владимир ФРАНТА
(Брно)

Кризис семиотики на фоне гуманитарных и естественных наук: аспект «поэтической транскрипции»

**The Crisis of Semiotics at the Background of Humanities and
Natural Sciences: the Aspect of „Poetic Transcription“**

The following article concludes some thoughts on contemporary semiotics especially after the tendency of semioticians to see their own scientific branch still being in crisis has been repeatedly noticed. Having declared it to be a universal science, semioticians paradoxically keep distance from a broader look on basic principles of communication. This is why semiotics today resembles more religion or art than a pure science. It deepens into some strange sort of self apologetic instead of developing new methods of grasping the objects of its study. Even a persistent fear that semiotics will loose its ground and will dissimilate into other disciplines is observed too. The paper suggests to some extend what axioms might be reconsidered at least if not abandoned to improve the situation about semiotics.

В последнее время общество сталкивается с массовым употреблением термина *кризис*. «Разбушевавшееся» понятие вторглось на поле многих дисциплин и вышло далеко за рамки их понимания. Кризис в философии или психологии имеет глубокую традицию: множество классических и современных школ зашли в тупик, продолжают вести взволнованную полемику по всей амплитуде, но никакого прорывного синтеза в диахронно-синхронном смысле пока не наблюдается. Данное явление пустило корни до такой сте-

пени, что неблагоприятно повлияло на репутацию гуманитарных наук. Они обладают репутацией неточности, порой даже несерьезности, в особенности, если сопоставить их с науками естественными. Поэтому современный финансовый кризис (2009 г.) приобрел силу шоковой волны, когда стало понятным, что выявить его причину с помощью имеющихся экономических моделей – не удастся. Примечательно здесь то, что экономика действует скорее по законам математики, а не, к примеру, поэтики. Можно было бы ожидать, что законы железной логики и «точные измерения» смогут отодвинуть повальный кризис в сферу невозможности, что застрявшими в дебрях останутся лишь теории наук гуманитарных. Каково же было удивление, когда оказалось, что привычные грани между дисциплинами уже не удовлетворяют потребности дня, что все не так просто, а, напротив, гораздо сложнее. Владимир Познер недавно продемонстрировал некую «несуразицу» – следующий факт: известнейший американский журнал Ньюсвик (Newsweek) вывел крупным планом на обложке журнала лозунг: «Теперь мы все социалисты»¹. Чтобы подчеркнуть силу сообщения, красная ладонь пожимает на рисунке синюю и наоборот. Итак, насколько уже сейчас можно делать выводы – этот вопрос остается открытым. Но ясно хотя бы другое: гуманитарные науки могут убедиться, что и естественные науки столь же уязвимы. Проанализировать причины – это не то что проявление любопытства, это дело первейшей необходимости. Польза даст о себе знать в виде гуманитарного самоопределения, выражаясь современным языком, – «без комплексов».

Летняя школа семиотики в Иматре (ISI) в 2009 г. создала параллель окружающему миру, живущему в настоящий момент по законам прозы кризиса. Можно сказать, что во время лекций и пленарных обсуждений яркими были доклады двух видных семиотиков, хотя на кризис в большей или меньшей степени ссылались буквально все. Румынский математик и семиотик Солон Маркус (Solomon Marcus) заявил, что семиотика, пусть и является универсальной наукой, однако имеет пределы своих возможностей. Значит, с одной стороны, она, как и математика, универсальна, с другой, – так же, как и математика, «страдает от одиночества». Американский философ и семиотик Джон Дили (John Deely) из Техаса, наоборот, считает, что, погружившись в сферу знаков, мы не имеем иной возможности, кроме как приобрести статус солипсистов, не способных сделать шаг в сторону и наблюдать за собою «извне». Как можно заметить, концепции Маркуса и Дили в какой-то мере противоположны. То ли мы ограничены пределами, то ли мы просто солипсисты, возможно, с безграничной фантазией (прим. авт.). Диапазон промежуточных стадий заняли остальные участники конференции в Иматре. Все в один голос ссылались на семиотический кризис, но при этом все были

---

¹ См. *We Are All Socialists Now*. In: Newsweek. 16. 2. 2009.

Кризис семиотики

убеждены в семиотике как таковой. Однако можно было услышать и единственный открытый скептицизм в отношении всей семиотики – но, правда, лишь в среде кулуаров, да еще в частных дискуссиях [автор статьи столкнулся с таким мнением у Моны Винцент (Mona Vincent) из Швеции].

Характерно, что теперь любые беседы о сути знака (сегодня этому удивились бы Лотман, Пирс, Греймас) в плане сугубо практическом и весьма конкретном (не философском) вызывают у некоторых семиотиков почти недовольство и создают далеко не комфортную атмосферу. Так, концепция Гвидо Ипсена (Guido Ipsen) из Дортмунда развивается скорее в плоскости философии, Эро Тараста (Eero Tarasti) из Хельсинки изучает музыку, применяя некоторые лингвистическо-филологические приемы, а петербуржец Илья Утехин делает ставку на будущее, когда семиотика понадобится для коммуникации с более совершенными роботами. Хочется вспомнить впечатления Тараста и его ученика Пэрттили Ринне (Pärtyyli Rinne). Тараста утверждает, что если существует коммуникация, не основанная на знаках, то это «конец семиотики». Ринне идет еще дальше, говоря, что семиотический курс можно осуществить лишь на английском и немецком языках...

Из вышесказанного вытекает, что семиотика сегодня расположилась на занятой ею территории и что ее важнейшая задача – отстоять свои завоевания. Вот где, как считает автор, следует искать причину «застоя» в семиотике. Ведь если вспомнить мнение Карла Поппера, настаивавшего когда-то на непрестанной проверке и оспаривании имеющихся концепций, то остается удивляться именно тем ограничениям, которые семиотика накладывает сама на себя и, таким образом, вовлекает себя в тот же самый кризис. Ведь жизненный опыт показывает, что сосуществуют два основных подхода и, скажем, второй достигает лучших результатов.

Сторонники первого имеют тенденцию пребывать в убеждении о невозможности чего-то; они особенно не спешат, в случае чего, разубеждаться или же убеждаться в обратном. Поклонники второго подхода, наоборот, стремятся обосновать свое убеждение в том, что предмет их интереса вполне возможен. История учит, что возможно все, что придет людям в голову. Достижение любого положительного результата зачастую является лишь вопросом времени. Поэтому нужно с большим вниманием и крайней осторожностью относиться абсолютно ко всем мнениям и высказываниям людей – по той причине, что они имеют свое рациональное начало, что они реализуемы со всеми вообразимыми и невообразимыми последствиями. Семиотика должна это учитывать, если не хочет опуститься до уровня окаменелой дисциплины. После успешного прохождения этого этапа «мыльный пузырь» кризиса исчезнет.

Виртуальность семиотического кризиса проистекает из недооценивания природы гуманитарных и естественных наук. Потому что разница между

ними лишь условна. Естественные науки вращаются в большей мере вокруг мира, созданного человеческими руками (повседневная, социальная, материальная реальность), живущего по природным законам (напр., принцип полета самолета). Гуманитарные науки подвластны тем же законам, но фокус орбиты их вращения – мир, не созданный человеческими руками [душевный сознательный, но также и подсознательный мир человека (!)]. Дотронуться до первого названного мира вроде бы легче. Однако душевный (сознательный/подсознательный) не уступает по материальности внешне физическому. Ведь любой душевный процесс теперь можно наблюдать при помощи современных приборов – напр., какие центры головного мозга активизируются при контроле за всеми процессами в человеческом теле². Главное здесь то, что мир естественных наук внушает как бы большее доверие. Он выглядит более совершенным по сравнению с миром гуманитарных наук. Но это лишь иллюзия, хотя и легко объяснимая. Человеку легче понять то, что он сделал сам. Однако, если перефразировать одну из песен Максима Леонидова, все равно иногда сходят с рельсов поезда и самолеты сбиваются с пути... Другими словами, известны парадоксы; в качестве примера можно привести шмеля или дельфина. По законам человеческой аэродинамики шмель вообще не в состоянии взлететь. Дельфин для развития определенной скорости тратит меньше энергии, чем, в пропорциональном сопоставлении, необходимо человеческим водным аппаратам. Естественные науки так же неточны и так же несовершенны, как и гуманитарные. Взаимосвязь обеих весьма наглядна. Поэтому нужно, чтобы обе полярности взаимодействовали в процессе познания нашего мира.

Но пока семиотики замыкаются в ограниченном пространстве и уклоняются в сторону глубоких философских медитаций, опасаясь того, что конституирует саму семиотику, – знака. Опасение, что коммуникация может быть «незнаковой», имеет равноправное место среди всех остальных мыслей и размышлений. Господину Дили можно легко возразить. Если, по его словам, человек не способен наблюдать за собой со стороны, то как тогда воспринимать речь маленьких детей, часто говорящих о себе в третьем лице [напр., «Петя хочет кушать» вместо «Мне хочется кушать» (зн. «Я хочу кушать»)]? Подобным образом можно отреагировать и на предположение Тарасты. Чтобы это сделать, необходимо обратить внимание на два наблюдения, сделанные квантовой физикой и биологией. Казалось бы, связи с семиотикой нет, но такое заключение было бы неверным. Ведь семиотика – слово-омоним, обозначающее 1) субдисциплину медицины, изучающую симптомы заболеваний, 2) семиотику как самостоятельную дисциплину, разра-

---

² Эмоции можно видеть, можно измерять их интенсивность. Они имеют материальное воплощение в виде работы головного мозга, который имеет совершенно материальную физиологию.

Кризис семиотики

ботавшую теорию знаков в процессе коммуникации. Связь с биологией усиливает существующая зоосемиотика³ [ее сегодня изучают, например, итальянец Дарио Мартинелли (Dario Martinelli) или тартуский семиотик Калеви Кулл (Kalevi Kull)]. Насчет квантовой физики: она стремится познать саму суть мира, что и является целью философии (см. атомисты и т.д.) или трансцендентальной семиотики, хотя их подходы различны.

Впрочем, опасения Тарасты со временем, возможно, подтвердятся. В книге *Живые локаторы океана* Борис Сергеев говорит, что дельфины не только ведут удивительную коммуникацию, они способны также делиться между собой – пусть даже это звучит фантастично – радиолокационными образами. Все очень просто: дельфин способен без труда снова воспроизвести «вслух» звуковое эхо своего локатора (отраженный звук от фиксируемого им объекта). Выходит, все остальные дельфины получают уникальную возможность «увидеть» то, что попало в сферу «слухового зрения/щупанья» первого дельфина, причем без известного шума в коммуникации, описанного Сосюром (употребляемые дельфином «знаки» – в этом случае – не выстроены по принципам арбитrarности. Здесь имеет значение принцип зеркальности). У человека то же самое возможно лишь с помощью телепатии, о которой, между прочим, очень серьезно писал Карл Густав Юнг. Но телепатия – как раз то, что категорически отвергают семиотики. Другими словами, дельфин может вести беседу быстро, без каких-либо сложных описаний. Автору статьи удалось побеседовать на эту тему с чешским семиотиком Ярмилой Доубравовой. Например, Тарасты отнесся к этой проблеме как к чему-то второстепенному. Семиотики (такие, как Илья Утехин) также не приветствуют намеки на открытия квантовой физики, связанные с т.н. квантовой нелокальностью.

В этом случае стало известно, что если, скажем, возникают два фотона (из одного источника), то они разлетаются друг от друга. Достаточно изменить смысл вращения (spin) одной частицы – и второй фотон также изменит смысл вращения, где бы он ни находился. Происходит это моментально. Каким способом связаны частицы одна с другой, пока не известно. Но таким образом было доказано, что коммуникация вообще – вещь, превосходящая саму семиотику, особенно ту, что стремится к трансценденции. Поэтому очень важно расширять кругозор семиотики и предполагать необходимые коррективы в основной теории дисциплины. Если направить усилия именно на это (и не только), то будет больше пользы, нежели от заикленного ступора относительно кризиса семиотики.

---

³ Zoosemiotics/ Zoösemiomics – направление связано с Томасом Сибиоком (Thomas A. Sebeok).

Заключительное слово все-таки должно реабилитировать семиотику, потому что вряд ли нечто существует просто так. Как заявил на конференции, только что прошедшей в Иматре (Финляндия), Соломон Маркус: многие математики, химики и другие представители естественных наук надписывают свои книги семиотическими заголовками, пользуясь словом *метафора*. Метафора действительно открывает широкое поле возможностей, оправдывает целый ряд попыток. В поэзии метафора иногда подразумевает контекст: «понимай, как хочешь». Но в науке изобилие метафор вряд ли приведет к ясному результату. Автор статьи считает, что со спадом метафорической волны в науке пройдет и повсеместно упоминающийся кризис. Предполагается, что нет необходимости, чтобы математика или семиотика «страдали от одиночества» как универсальные науки. Только синергетически действующий набор дисциплин, связанный интердисциплинарно, готов произвести общий синтез, изъясняющийся так, как и следует науке: кратко и ясно. В таком случае произойдет новое самоутверждение семиотики и мы увидим ее конкретное практическое применение.

Семиотики заодно в следующем: знаки существуют вне зависимости от того, хочет ли этого человек. Но, как видно, человеку нужно быть готовым абсолютно ко всему, чтобы от основного наблюдения сделать шаг в сторону продуктивных открытий. Не нужно быть предубежденным. Остается лишь задуматься и открыть подлинную цену всего, что нас окружает и неотъемлемой частью чего мы являемся. Интересно, что будущий процесс уже сейчас предвосхищается – быть может, парадоксально – все-таки искусством и поэзией, – а именно своей готовностью не останавливаться на мучительных методах самопогружения в темную бездну односторонней веры... Красота искусства – это его точность и метафоричность одновременно, далее, его живая стихийность, жажда познания с неотъемлемой долей риска, от которого нельзя просто отмахнуться. Семиотика не способ жизни. Это наука. Как сказал бы Остап Бендер: «Не нужно бояться больше потерять, чем найти». Или, как гласит известное английское выражение: «There are some risks that should be simply taken».

Использованная литература:

The Book of Abstracts: International Summer-School for Semiotic Studies; Pan European Culture Heritage in the Global World. Imatra, Finland 2009.